

Рышард Капуцинский
*Император.
Шехиншах*

Рышард Капуцинский
Император.
Шахиншах (сборник)
Серия «Travel Series»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8342717
Император. Шахиншах: Европейские издания; Москва; 2007
ISBN 5-98797-004-0

Аннотация

Сорок лет проработав журналистом в разных странах Африки, Рышард Капуцинский был свидетелем двадцати восьми революций на разных концах Чёрного Континента и за его пределами. «Император» – его рассказ о падении империи Хебру Селассие I, «Шахиншах» – исследование механизма крушения режима шаха Реза Пехлеви.

Содержание

Император	4
Трон	6
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Рышард Капуцинский Император. Шахиншах

Император

Забудь меня,
Былого не вернуть!

Цыганский романс

О негус, негесте, спасай Абиссинию:
Угроза нависла над всей южной линией,
И к северу от Мэкэле враги нас одолели.
О негус, негус, царь царей,
Патронов дай мне поскорей!

Довоенная варшавская песня

Наблюдая за поведением отдельных птиц в курятнике, убеждаешься, что обыкновенных кур клюют и притесняют особи высшей категории. В конечном итоге образуется единый иерархический ряд с курицей – иерархом во главе: она клюет всех подряд, в свою очередь те, что посредине, клюют низших рангом и почтительны к вышестоящим. На последнем месте

– курица-Золушка, вынужденная уступать всем.
Адольф Ремане. Особенности развития позвоночных

Сломленный человек привыкает ко всему.
К.-Г. Юнг

Когда, по морю плавая, дельфин хочет заснуть, он задремывает и медленно погружается на дно, при ударе о которое пробуждается и вновь всплывает, а всплыв, засыпает, и опять, опустившись, подобным же образом сам себя будит, и так, пребывая в движении, отдыхает.

Бенедикт Хмеловский. Новые Афины

Трон

По вечерам я слушал тех, кто знал императорский двор. Когда-то они были придворными или имели доступ во дворец. Их осталось мало. Многих расстреляли каратели. Некоторые бежали за границу или сидят в застенках, в подвалах самого дворца, куда они попали прямо из дворцовых салонов. Есть и такие, кто укрывается в горах или монастырях, переодевшись в монашеское платье. Каждый пытался спастись как мог, всеми доступными средствами. Лишь горстка из них осталась в Аддис-Абебе, где, как оказывается, легче всего обмануть бдительность властей.

Я навещал их с наступлением темноты. Приходилось менять машины и одежду. Эфиопы страшно недоверчивы, они не верили в искренность моих намерений – мне же хотелось воссоздать мир, который смели станковые пулеметы Четвертой дивизии. Эти пулеметы установлены на джипах американского производства рядом с водителем. Обслуживают их стрелки, чья профессия – убивать. На заднем сиденье – солдат, который получает приказы по радиации. Так как джип – открытая машина, лица водителя, стрелка и радиста защищены от пыли мотоциклетными очками, прикрытыми козырьком каски. Их глаз не видно, а черные, заросшие щетиной лица лишены всякого выражения. Эти «тройки» на джипах так свыклись со смертью, что мчат, как самоубийцы, вне-

запно разворачиваясь на бешеной скорости, мчат по улицам наперерез движению; все вокруг бросаются врассыпную, когда несется такая ракета. Лучше не попадать в сектор их обстрела. Из рации, стоящей на коленях у того, который сзади, сквозь треск и писк прорываются возбужденные голоса и крики. Кто знает, возможно, один из этих хриплых возгласов – приказ открыть огонь. Лучше спрятаться. Лучше юркнуть в боковую улочку и переждать.

Теперь я углублялся в извилистые и грязные переулки, чтобы попасть в дома, казавшиеся необитаемыми. Я побаивался: такие дома взяты под наблюдение, так что можно было погореть вместе с их обитателями. Это вполне возможно: очень часто прочесывают какой-нибудь городской закуток, даже целые кварталы в поисках оружия, антиправительственных листовок и сторонников старого режима. Все дома теперь друг за другом подглядывают, отслеживают, вынюхивают. Это гражданская война, таков ее лик. Я сел у окна, а мне тотчас же говорят: пожалуйста, пересядьте, вас видно с улицы и легко взять на мушку. Проезжает машина, тормозит, слышны выстрелы. Кто там был: они или не они? И кто теперь эти они, а кто не они, а те, другие, которые против них, потому что они с теми? Машина отъезжает, слышен собачий лай, В Аддис-Абебе ночи напролет лают собаки, это город собак, породистых и одичавших, покрытых колтуном, терзаемых глистами и малярийными заболеваниями псов.

Мне вновь и вновь напоминают о соблюдении осторожно-

сти: чтобы никаких адресов, фамилий, чтобы даже лиц не описывать или что высокий, низкий, худой не упоминать, какой лоб, руки, взгляд, ноги, колени — да уже и не перед кем пасть на колени.

Ф.:

Это была крохотная собачка японской породы. Звали ее Лулу. Ей разрешалось спать на императорском ложе. Во время различных церемоний она срывалась с коленей императора и писала сановникам на обувь. Господам сановникам не подобало вздрагивать, делать какое-либо телодвижение, когда они чувствовали влагу в ботинке. Моей обязанностью было ходить между сановниками и обтирать им обувь. Имелась специальная атласная вытиралка для этого. Этим я и занимался десять лет.

Л. С.:

Император спал в необъятных размеров кровати из светлого ореха. Он был таким шуплым, тщедушным, что был едва виден, терялся в этой постели. К старости император стал еще меньше, весил всего пятьдесят килограммов. Ел тоже мало и никогда не употреблял спиртного. У него деревене-ли колени, и, оставаясь один, он волочил ноги и раскачи-

вался из стороны в сторону, словно передвигался на ходулях, но, зная, что кто-то смотрит на него, громадным усилием воли заставлял свои мышцы сохранять эластичность, чтобы его движения были полны достоинства, а императорская фигура по возможности выглядела безукоризненно. Каждый шаг был результатом борьбы между беспомощностью и достоинством, между наклонной линией и сохранением вертикального положения. Достопочтенный господин никогда не забывал о своем старческом дефекте, не желая обнаружить его, чтобы не уронить престиж и авторитет царя царей. Но мы, слуги его опочивальни, могли наблюдать за ним украдкой и знали, чего стоят ему эти усилия. Он привык мало спать и рано, еще затемно, вставать. Вообще сон он рассматривал как необходимость, как напрасную трату времени, которое он предпочел употребить на то, чтобы властвовать и представлять. Сон – это было приватное, камерное вмешательство в его жизнь, призванную протекать среди декора и света. Он просыпался как бы недовольный тем, что спал, раздраженный самим фактом сна, и лишь последующие дневные занятия восстанавливали его душевное равновесие. Добавлю, однако, что император никогда не проявлял ни малейшего признака волнения, гнева, злобы, раздражения. Могло бы сложиться впечатление, что таких душевных состояний он никогда не испытывает, что у него холодные и крепкие, как сталь, нервы или что он начисто их лишен. То была семейная черта, которую господин наш сумел уна-

следовать, находя, что в политике нервы – признак слабости, это только поощряет противников и побуждает подчиненных тайком отпускать остроты. А господин знал, что острота – небезопасная форма оппозиции, и поэтому так заботился о безукоризненности своего поведения. Вставал он в четыре, в пять, а когда отправлялся в зарубежную поездку, и в три часа утра. Позже, по мере того, как обстановка внутри страны обострялась, он все чаще уезжал, и весь дворец занимался подготовкой императора к новым вояжам. Проснувшись, он нажимал кнопку звонка у ночного столика. Бодрствующая прислуга уже была наготове. Во дворце зажигались огни. Для империи это служило сигналом, что достопочтенный господин начал свой новый день.

Й. М.:

Император начинал день с выслушивания доносов. Ночь – это опасная пора обдумывания заговоров, и Хайле Селассие знал: то, что свершается ночью, важнее дневных дел, днем все было у него на виду, ночью же все обстояло иначе. Поэтому он придавал огромное значение утренним доносам. Здесь хотелось бы пояснить одну вещь: достопочтенный господин читать не любил. Писаного и печатного слова не признавал, все требовалось излагать ему устно. Господин наш не кончал школ, единственным его учителем (да и то в детстве) был французский иезуит, монсеньор Жером, будущий епископ

Харэра и друг Артюра Рембо. Этот духовник не успел приохотить императора к чтению, что, впрочем, осложнялось и тем, что Хайле Селассие уже с отроческих лет занимал самые высокие посты в государстве и на систематическое чтение у него не было времени. Но думаю, дело не только во времени и навыке. Устный доклад обладал тем преимуществом, что в случае необходимости император мог заявить, будто такой-то и такой-то сановник доносил ему нечто противоположное тому, что происходило на самом деле, а тот, не имея письменных доказательств, не мог защититься. Так император получал от своих подчиненных не то, что они ему могли сообщить, но то, что, по его мнению, должно было быть сообщено. У достопочтенного господина существовала своя концепция, и к ней он подгонял все сигналы, поступавшие от окружения. Так же обстояло дело и с письменными документами: наш монарх не только не читал, но склонен был собственноручно ничего не писать и не подписывать. И хотя он правил полвека, даже самые доверенные лица не знают, как выглядела его подпись. Занимаясь государственными делами, император всегда имел при себе министра пера, который фиксировал все его приказы и распоряжения. Поясню здесь, что во время деловых аудиенций достойный господин говорил совсем тихо, едва шевеля губами. Министру пера, стоящему подле трона, приходилось подставлять ухо к императорским устам, чтобы услышать и передать решение монарха. Вдобавок реплики императора были, как правило, туман-

ными и двусмысленными, особенно тогда, когда он не желал занимать определенной позиции, хотя обстоятельства и вынуждали его к этому. Можно лишь восхищаться ловкостью монарха. На вопрос сановника он не отвечал прямо и говорил так тихо, что слова его улавливало лишь придвинутое вплотную, как микрофон, ухо министра пера. Тот записывал скупые и расплывчатые замечания, которые успел буркнуть властитель. Остальное – проблема всего-навсего истолкования, а это уже дело министра; он облачал решение в письменную форму и давал ему ход. Тот, кто возглавлял министерство пера, был самым доверенным лицом императора и обладал колоссальной властью. Основываясь на загадочной каббалистике монарших слов, он мог принимать произвольные решения. Если императорское решение поражало всех меткостью и мудростью, оно служило очередным свидетельством непогрешимости божественного избранника. Если же, наоборот, откуда-то из воздуха, из разных углов до монарха доносился ропот недовольства, достопочтенный господин сваливал все на глупость своего министра. Этот последний был самой ненавистой фигурой при дворе: общественное мнение, находя непогрешимыми мудрость и доброту достопочтенного господина, именно министра обвиняло в злобных и нелепых решениях, каких было немало. Правда, дворцовая служба перешептывалась, почему Хайле Селассие не сменит министра, но во дворце вопросы могли задаваться только сверху вниз, но наоборот – никогда. Впервые гром-

ко заданный вопрос в обратном, нежели прежде, порядке и явился сигналом надвигающейся революции, Но я забегаю вперед, и мне необходимо вернуться к той ранней поре, когда на ступенях дворца появляется император, отправляясь на утреннюю прогулку. Он вступает в парк. Это именно тот момент, когда к нему со своим докладом приближается начальник дворцовой разведки – Сэломон Кадыр. Император шествует по аллейке, а приотстав на шаг Сэломон, который говорит и говорит. Кто с кем встретился, где это происходило, о чем был разговор. Против кого они объединились и можно ли это считать заговором? Кадыр докладывает также о работе своего военно-шифровального отдела. Этот отдел контролирует шифровки, которыми обмениваются дивизии (необходимо знать, не назревает ли там заговор). Достопрочтенный господин ни о чем не спрашивает, ничего не комментирует, только слушает. Иногда останавливается у клетки со львами, чтобы швырнуть им поданную служителями телячью ногу. Он любит левиную алчность и улыбается. Потом, приблизившись к сидящим на цепи леопардам, бросает им говяжьи ребра. Подходя к опасным хищникам, господин соблюдает осторожность. Наконец он направляется дальше, а за ним продолжающий доносить Сэломон Кадыр. В какой-то момент господин кивком дает знак Сэломону Кадыру, что ему пора удалиться. Тот отвечает поклоном и, пятясь (чтобы не повернуться к монарху спиной), исчезает в одной из аллей. Именно в эту минуту из-за де-

рева выходит ожидающий своей очереди министр промышленности и торговли Мэконнын Хабтэ Уольд. Он приближается к прогуливающемуся императору и, приотстав на полшага, выкладывает свои новости. У Мэконнына Хабтэ Уольда частная сеть осведомителей, которую он содержит, повинуюсь гложущей его страсти к интригам и желая подладиться к достойному господину. Теперь, основываясь на донесениях агентов, он докладывает императору о событиях минувшей ночи. Господин наш снова ни о чем не спрашивает, ничего не комментирует, а идет, заложив руки за спину, и слушает. Бывает, что он приблизится к стае фламинго, но эта пугливая птица тотчас обращается в бегство, и император усмехается при виде созданий, не повинующихся ему. Наконец, продолжая путь, он наклоняет голову. Мэконнын Хабтэ Уольд умолкает и, пятясь, скрывается в аллейке. Теперь как из-под земли вырастает согбенная фигура преданного наушника Ашши Уольдз-Микаэля. Этот сановник осуществляет надзор за государственной политической полицией, которая соперничает с дворцовой разведкой Сэломона Кадыра и отчаянно конкурирует с любой частной сетью осведомителей, вроде той, какой располагает Мэконнын Хабтэ Уольд. Занятие, коему предавались эти осведомители, было трудным и опасным. Они жили в постоянном страхе, что о чем-нибудь не донесут вовремя и попадут в опалу или же конкурент представит более исчерпывающий донос и император подумает: почему Сэломон доставил мне сегодня ис-

тинное удовольствие, а Мэконнын болтал о пустяках? Ничего не сказал, потому что не знал, или умолчал, сам участвуя в заговоре? Разве не доводилось достопочтенному господину не раз испытать такое на собственной шкуре, когда его предавали самые близкие, самые доверенные лица? И поэтому император наказывал за молчание. Однако и бессвязный поток слов утомлял и раздражал монаршьё ухо. Уже сам вид этих людей говорил, на какие опасности они себя обрекли. Невыспавшиеся, измученные, они пребывали в постоянном напряжении, в лихорадке, в погоне за жертвой, задыхаясь от ненависти и страха, в каком жили. Единственной их защитой был император. Но он мог уничтожить их одним жестом руки. Да, добросердечный господин не облегчал им жизнь. Как я уже упомянул, на утренней прогулке Хайле Селассие, выслушивая доносы о заговорах в империи, никогда не задавал вопросов и не комментировал услышанного. Теперь я могу сказать: он знал, что делал. Господин наш хотел получить донос в стерильно чистом виде, то есть подлинный донос, а если бы он расспрашивал или выражал свое мнение, осведомитель начал бы предупредительно изменять факты, чтобы они отвечали желаниям императора, и тогда вся система доносов приобрела бы такой произвол и субъективизм, что монарх не смог бы узнать истинное положение дел в государстве и во дворце. Уже завершая прогулку, император слушает, что в минувшую ночь удалось разнюхать людям Ашши. Он кормит собак и черную пантеру, потом восхищенно

смотрит на муравьеда – подарок президента Уганды. Кивок головой – и Ашши, сгорбившись, удаляется, терзаемый сомнениями, сказал ли он больше или меньше, чем донесли сегодня заклятые его враги – Сэломон, враг Мэконнына и Ашши, и Мэконнын, враг Ашши и Сэломона. Свою прогулку Хайле Селассие завершает в одиночестве. В парке становится светло, мгла редет, в траве играют солнечные блики. Император размышляет, это время выработки тактики и стратегии, решения головоломок персонального плана и подготовки следующего хода на шахматном поле власти. Он анализирует доклады осведомителей. Мало существенного, чаще всего они доносят друг на друга. Наш господин умеет все держать в голове, его мозг – компьютер, который фиксирует каждую деталь, любая мелочь будет учтена. Во дворце не существовало никакого отдела кадров, никаких папок и анкет. Все это император держал в голове, всю самую засекреченную картотеку – досье на представителей правящей элиты. Я прямо вижу, как он идет, останавливается, поднимает лицо, словно предаваясь молитве: О Боже, избавь меня от тех, кто, ползая на коленях, прячет за пазухой нож, который жаждали бы всадить мне в спину. Но чем Господь может помочь? Все люди, окружавшие императора, именно таковы – на коленях и с ножом. На горных вершинах царит вечный холод, дуют ледяные вихри, каждый стоит, съевшись, следя за тем, чтобы сосед не сбросил его в пропасть.

Т. К-Б.:

Дорогой друг, конечно, я все помню. Ведь это было чуть ли не вчера. Чуть ли не вчера и столетие назад. На том же месте, но на иной, отдалившейся планете. Как все это перемешалось: времена, места, мир, разлетевшийся вдребезги, который уже не склеить. Только воспоминания – единственное, что сохранилось, единственное, что осталось от жизни. Я немало времени провел при императоре в качестве служащего министерства пера. Мы начинали работу в восемь, чтобы к девяти, когда приедет монарх, все было готово. Господин наш жил в новом дворце, напротив гостиницы «Африка-холл», а свои официальные функции он отправлял в старом, построенном императором Менеликом¹ дворце, расположенном на соседнем холме. Наше ведомство располагалось именно в старом дворце, где находилось большинство имперских учреждений, так как Хайле Селассие хотел, чтобы все было под рукой. Он приезжал в одной из двадцати семи машин, составлявших его личный парк. Император обожал машины, предпочитая «роллс-ройсы» за их строгий, исполненный достоинства силуэт, но для разнообразия пользовался «мерседесами» и «линкольн-континенталями». На-

¹ Менелик II – император Эфиопии с 1889 по 1913 год, крупнейший реформатор, При нем в 1897 году была заложена Аддис-Абеба (букв. «Новый цветок»), с 1889 года ставшая столицей государства. – *Здесь и далее примеч. М. Л. Вольпе.*

помню, что господин наш первым познакомил Эфиопию с автомобилем и всегда проявлял благосклонность к энтузиастам технического прогресса, к которым, увы, наш воспитанный в духе традиций народ относился с неприязнью. Ведь император едва не лишился престола и даже жизни, когда в двадцатые годы выписал в Эфиопию первый самолет! Обыкновенный аэроплан в ту пору казался творением дьявола, и по богатым усадьбам возникали заговоры против такого безрассудного монарха, чуть ли не приверженца каббалистики и чернокнижника. С той поры достопочтенному господину пришлось с большей осмотрительностью предаваться своим новаторским увлечениям, пока из-за неприязни, какую в убеленном сединами человеке вызывает всякое новшество, он сам почти начисто не отказался от всякого рода смелых начинаний. Итак, в девять утра он прибывал в старый дворец. У ворот его поджидала толпа подданных, пытавшихся вручить императору прошения. Теоретически это в империи был самый прямой способ воззвать к правосудию и милосердию. Поскольку наш народ неграмотен, а справедливости, как правило, домогается беднота, эти люди на несколько лет влезали в долги, чтобы заплатить писарю, который изложил бы их жалобы и просьбы. Вдобавок возникала сложность процедурного характера: обычай вынуждал малых сих падать перед императором ниц, а как в таком положении протянуть конверт в проезжающий мимо лимузин? Проблема решалась так: императорская машина сбавляла скорость, за

стеклом появлялась излучавшая благорасположенность физиономия монарха, а едущая следом охрана забирала часть прошений из рук простолюдинов, часть, ибо это был целый лес рук. Если толпа придвигалась слишком близко к едущим машинам, гвардейцам следовало отпихивать и отгонять нахалов: соображения безопасности и авторитет монарха требовали, чтобы проезд протекал плавно, без непредвиденных проволочек. Теперь машины въезжали на бегущую в гору аллею и останавливались посреди двора. Здесь императора тоже ждала толпа, но совершенно иная, нежели та голытьба у ворот, нещадно разгоняемая императорскими гвардейцами. Эту толпу, приветствующую монарха во дворе, составляли люди из его окружения. Все мы собирались здесь загодя, чтобы не опоздать к прибытию императора. Этот момент многое для нас значил. Каждый желал обязательно показаться, надеясь, что император его заметит. Нет, никто и не помышлял о каком-то особом знаке внимания — что достойный господин заметит, подойдет и завяжет беседу. Нет, ничего подобного! Признаюсь откровенно, каждый надеялся хотя бы на минимальный знак внимания с его стороны, самый незначительный, самый обычный, пустой, ни к чему не обязывающий, мимолетный, как доля секунды, но такой, чтобы удалось ощутить внутреннее потрясение и чтобы пронзила торжествующая мысль: меня заметили! Какую силу это впоследствии придавало! Какие открывались безграничные возможности! Ибо предположим, что взгляд достопочтенного гос-

подина скользнул по физиономии, только скользнул! Собственно говоря, можно было бы сказать, что ничего не случилось, но в то же время – как это не случилось, если его взгляд скользнул! Мы сразу чувствуем, как вспыхивает наше лицо, кровь ударяет в голову, а сердце начинает биться сильнее. Это лучшее доказательство, что нас коснулось око нашего господина, да и какое мне дело, в данный момент никакие доказательства не имеют значения. Важнее сам процесс, который мог совершиться в сознании нашего покровителя. Ведь известно, что император обладал феноменальной зрительной памятью. И на этот дар природы мог возлагать свои надежды обладатель физиономии, по которой скользнул взгляд императора. Ибо он уже надеялся на то, что какой-то мимолетный след, хотя бы бледная его тень запечатлелась в памяти господина. Теперь требовалось настойчиво и решительно так маневрировать в толпе, так проскальзывать и проталкиваться, так пробиваться и продвигаться, чтобы твоя физиономия все время была на виду и чтобы взгляд императора даже непроизвольно и безотчетно замечал, замечал и замечал ее. Затем следовало ждать, что наступит такой момент, когда император подумает: минуточку, минуточку, лицо мне знакомо, а фамилии я не знаю. И, допустим, спросит фамилию. Только фамилию, но этого достаточно! Теперь физиономия и фамилия соединятся в единое целое, и возникнет личность, готовый кандидат для назначения на должность. Потому что одна физиономия – это анонимная

фигура, и фамилия сама по себе – абстрактное понятие, а здесь необходимо материализоваться, конкретизироваться, обрести образ, форму, индивидуальный облик. О, это была такая желанная и вместе с тем такая трудная задача. Потому что во дворе, где свита встречала императора, жаждущих выставить свою физиономию имелись десятки и даже (я не преувеличиваю) сотни. Физиономия соприкасалась с физиономией, высокие загораживали низких, темные затеняли светлых, физиономии презирали друг друга, старики оттесняли молодых, слабые уступали сильным, физиономия ненавидела физиономию, незнатные сталкивались с благородными, властолюбивые – с немощными, физиономии одна другую подавляли, но и эти, униженные, отверженные, третьестепенные и побежденные, даже они, хотя и на известной дистанции, predetermined иерархическими требованиями, устремлялись вперед, высовываясь тут и там из-за перворазрядных и титулованных особ, хотя бы только самым краешком уха или виска, щекой или скулой, только бы поближе к императорскому оку! Если бы милостивый господин захотел охватить взором всю открывавшуюся перед ним по выходе из машины картину, он заметил бы, что на него катит покорная и вместе с тем возбужденная, стозевная магма, но кроме этой доминирующей и титулованной массы справа и слева, перед ним и за ним, в отдалении и совсем далеко, в дверях, в окнах, у входа и на дорожках целые толпы лакеев, кухонной прислуги, уборщиков, садовников и полицейских тоже под-

совывают ему свои физиономии, чтобы он их заметил. И господин наш взирает на все это. Удивляет ли его такая картина? Сомневаюсь. Господин наш тоже некогда был частичкой этой стозевной магмы. Разве не приходилось ему самому навязывать свое лицо, чтобы только в двадцатичетырехлетнем возрасте сделаться наследником престола². И при этом он выдержал дьявольскую конкуренцию. Целый сонм искушённых сановников добивался короны. Но они слишком спешили, опережая друг друга, готовые схватить один другого за глотку, нервные и нетерпеливые, чтобы раз-два – и на престол! Достопочтенный господин умел ждать. А это архиважный дар. Без подобного умения выжидать, без терпеливого и даже молчаливого согласия на то, что шансы могут появиться спустя годы, политика не существует. Достойный господин десять лет ждал престолонаследия и еще четырнадцать, чтобы стать императором. В итоге почти четверть века осторожных, но энергичных усилий получить корону. Я говорю осторожных, так как господина отличала скрытность, терпимость и молчаливость. Он знал дворец, знал, что стены имеют уши, что из-за каждой портьеры за ним внимательно наблюдают. Приходилось быть лукавым и хитрым. И разумеется, нельзя было преждевременно открыться, проявить алч-

² Тэфэри Мэконнын, будущий император Хайле Селассие I, родился 23 июля 1892 года в провинции Харэр. В 1916 году в результате дворцового переворота императрицей была провозглашена Заудиту, старшая дочь Менелика II, а регентом и престолонаследником – Тэфэри Мэконнын, вступивший на престол спустя 14 лет.

ную жажду власти: это тотчас объединит соперников и толкнет их на борьбу. Они сразят и уничтожат того, кто высунулся. Нет, годами надо идти в одном строю, следя, чтобы никто не вырвался вперед, и чутко выжидать своего часа. В тридцатом году эта игра принесла господину корону, которую он удерживал сорок четыре года.

Когда я показал своему коллеге то, что пишу о Хайле Селассие, а скорее об императорском дворе и его падении, рассказанное теми, кто заполнял салоны, ведомства и коридоры дворца, тот спросил меня, навещал ли я укрывшихся один? Один? Это было бы невозможно! Белый, иностранец – никто из них не пустил бы меня на порог без надежных рекомендаций. И уж ни в коем случае не пожелал бы исповедоваться (эфиопов вообще трудно склонить к признаниям, они способны молчать, как китайцы). Откуда я узнал бы, где их разыскать, кем были и что могли рассказать?

Нет, я был не один, а с проводником.

Ныне, когда он мертв, я могу назвать его имя: Тефerra Гебреуолд.

Я приехал в Аддис-Абебу в середине мая 1963 года. Через несколько дней здесь должны были собраться президенты независимой Африки, и император готовил столицу к приему гостей. Аддис-Абеба в тот период представляла собой большую, полумиллионную, деревню, расположенную

на холмах, среди эвкалиптовых рощ. На газонах по главной улице Черчилль-роуд паслись стада коров и коз, и машинам приходилось останавливаться, когда кочевники перегоняли через проезжую часть испуганных верблюдов. Шел дождь, и в боковых улочках машины буксовали в липкой коричневой грязи, погружаясь все глубже и образовав в конце концов целые колонны увязших, неподвижных автомобилей.

Император понимал, что столица Африки должна выглядеть значительно импозантнее, и повелел возвести несколько современных зданий, а также привести в порядок главные городские магистрали. Увы, строительство растянулось до бесконечности, и когда я смотрел на возвышавшиеся в различных точках города строительные леса и занятых там людей, мне вспоминалась сцена, которую описал Ивлин Во, приехавший в 1930 году в Аддис-Абебу поглядеть на коронацию императора:

«Казалось, будто к постройке города приступили только сейчас. На каждом углу виднелись незавершенные здания. Некоторые из них строители уже покинули, возле других работали толпы оборванных туземцев. Как-то днем я наблюдал, как во дворе, у парадного входа, два-три десятка человек под началом мастера-армянина разбирали груды щебня и камней. Требовалось наваливать щебень на деревянные носилки, а потом сбрасывать его на насыпь пятьюдесятью ярдами далее. Мастер с длинной палкой сновал среди людей. Стоило ему на минуту отлучиться, как все замирало.

Это не значило, что уборщики усаживались, разговаривали или укладывались на землю, нет, просто они, как коровы на пастбище, замирали в том положении, в каком находились, подчас прямо с кирпичом в руках, погружаясь в летаргический сон. Наконец, являлся мастер, и тогда они опять начинали двигаться, но крайне вяло, как персонажи фильма, снятого методом замедленной съемки. Когда мастер палкой лупил их, они не молили о пощаде, не протестовали, а только чуть проворнее двигались. Но удары прекращались, и движения их замедлялись, а если мастеру приходилось вновь отлучиться, моментально прерывали работу и замирали».

На этот раз на центральных артериях столицы наблюдалось оживленное движение. По самому краю улиц катили гигантские бульдозеры, снося особенно выдвинувшиеся вперед и уже опустевшие мазанки, обитателей которых полиция еще накануне выставила за пределы города. Затем бригады каменщиков возводили высокую стену, чтобы закрыть остальные лачуги. Другие бригады расписывали стену национальными узорами. Город благоухал свежим бетоном и краской, застывающим асфальтом и ароматом пальмовых листьев, которыми украсили триумфальные ворота.

По случаю встречи президентов император устроил пышный прием. На этот прием специальные самолеты доставили из Европы вина и икру. За двадцать пять тысяч долларов из Голливуда привезли Мириам Макэбу, чтобы в заключение пиршества она исполнила гостям песни племени зулу.

Приглашено было свыше трех тысяч человек, разделенных согласно иерархии на несколько высших и низших категорий, каждой из категорий соответствовал иной цвет приглашительного билета и иное меню.

Прием происходил в старом императорском дворце. Гости следовали вдоль длинных шпалер императорской гвардии, вооруженной саблями и алебардами. Трубачи, освещенные прожекторами, исполняли на вершинах башен императорский хейнал. Трупы актеров на портиках разыгрывали исторические сцены из жизни умерших монархов. С балконов гостей осыпали цветами девушки в национальных одеждах. Небо озарялось бенгальскими огнями.

Когда в Большом зале гости уже расселись за столами, ударили фанфары и вышел император; по правую руку от него шествовал Насер. Они составляли удивительную пару: Насер, высокий, крупный, властный, с выдвинутой вперед головой, с улыбкой, игравшей на широких щеках, а рядом щуплая, даже болезненная и уже подточенная годами фигура Хайле Селассие; но на его худощавом живом лице сверкали огромные, пронизательные глаза. За ними попарно выступали остальные главы государств. Зал встал, все аплодировали. Последовали овации в честь единства и в честь самого императора. Потом началось собственно пиршество. Один темнокожий официант приходился на четверых гостей (у официантов от нервотрепки и волнения все валилось из рук). Столы были сервированы серебром в старом харэрском стиле,

на них лежало несколько тонн дорогостоящих антикварных серебряных вещей. Кое-кто рассовывал столовые приборы по карманам: один прихватывал ложку, другой – вилку.

Повсюду высились гигантские горы мяса и фруктов, рыбы и сыров. Многослойные торты были облиты сладкой и яркой глазурью. Изысканные вина распространяли разноцветное сияние, освежающий аромат. Играла музыка, а разряженные шуты кувыркались, к радости развеселившихся участников пиршества. Время проходило за разговорами, смехом и едой.

Здорово было!

Во время банкета мне потребовалось удалиться в более укромное место, но я не знал, где оно. Через боковую дверь вышел из Большого зала во двор. Стояла темная ночь, сеял мелкий майский, но холодный дождь. От самых дверей начинался пологий спуск, а на расстоянии полусотни метров виднелся плохо освещенный навес. От двери, из которой я вышел, до этого строения стояла цепочка официантов, которые подавали друг другу блюда с остатками пиршества. На этих блюдах на весу двигался поток костей, огрызков, недоеденных салатов, рыбьих голов, мясных объедков. Я последовал туда, скользя среди грязи и разбросанных повсюду ошметков.

Возле навеса я заметил, что тьма, простирающаяся за ним, колыхается и что-то такое в этой тьме движется, бормочет и хлопает, издает вздохи и чавкает. Я обогнул навес с

тыла.

В густоте ночи, в грязи, под дождем, топталась плотная толпа босых нищих. Мойщики посуды швыряли им из-под тента объедки. Я глядел на толпу, которая деловито и сосредоточенно поедала огрызки, кости, рыбы головы. В этом сотрапезничестве ощущалась сконцентрированная, деловая собранность, несколько убыстренный и самозабвенный биологический процесс, голод, утоляемый с напряжением, в натуге, в экстазе.

Официанты время от времени прерывали подачу, поток блюд прекращался, и толпа на минуту расслаблялась, распускала мышцы, словно бы командир отдал команду «Вольно!» Люди отирали мокрые лица и приводили в порядок лоснящиеся от дождя и грязи лохмотья. Но блюда снова поступали, так как там, наверху, грандиозная жратва, чавканье и хрумканье шли полным ходом, и толпа снова продолжала труд благословенного утоления голода.

Я промок и возвратился в Большой зал на императорский прием. Поглядел на серебро и золото, на бархат и пурпур, на президента Касавубу, на моего соседа, некоего Айе Мамлаёе, вдохнул аромат благовоний и роз, послушал впечатляющую песню племени зулу в исполнении Мириам Макэбы, отвесил поклон монарху (это было неукоснительное требование протокола) и отправился домой.

Когда президенты разъехались (а их отъезд происходил в спешке: длительное пребывание за границей иногда закан-

чивалось утратой президентского кресла), император пригласил нас, то есть группу иностранных журналистов, находившуюся здесь по случаю первой конференции глав африканских государств, на завтрак.

Это известие и приглашение привез нам в» Африка-холл», где мы проводили дни и ночи в безнадежном, изматывающем нервы ожидании связи со своими столицами, здешний опекун, ответственный чиновник министерства информации, а именно Теферра Гебреуолд, высокий, представительный амхарец, обычно молчаливый и замкнутый. На этот раз, однако, он выглядел растроганным и взволнованным. Обращало на себя внимание, что каждый раз, произнося имя Хайле Селассие, он торжественно склонял голову. «Великолепно! – воскликнул греко-турок-киприот-мальтиец Иво Сварцини, официально – сотрудник фиктивного агентства МИБ, фактически же работающий на разведку итальянского нефтяного концерна ЭНИ. – Мы сможем пожаловаться этому типу, как нам здесь обеспечили связь!» Следует сказать, что плеяда журналистов, проникающих в самые отдаленные уголки мира, состоит из циничных и суровых людей, все повидавших и все переживших, которым ради исполнения своих обязанностей постоянно приходится преодолевать уйму преград, о каких многие и понятия не имеют, поэтому ничто не в состоянии их растрогать и взволновать, а когда они устали и злы, могут и впрямь пожаловаться императору на плохие условия работы и в самом деле

отвратительную помощь местных властей. Но даже им подчас приходится обдумывать свои поступки. И именно теперь наступил такой момент, когда мы заметили, как Теферра после слов Сварцини побледнел, сник, начал что-то возбужденно и бессвязно бормотать, из чего наконец выяснились: если мы пожалуемся, император велит отрубить ему голову. Он вновь и вновь повторял эту фразу. Наша группа разделилась. Я агитировал за то, чтобы не касаться этого вопроса и не брать греха на душу. Большинство придерживалось того же мнения, и в конце концов мы порешили, что в беседе с императором не будем касаться этой темы. Теферра вслушивался в нашу дискуссию, и ее исход должен был утешить его, но, как и любой амхарец, он по натуре своей оказался недоверчивым и подозрительным, а эти черты особенно проявлялись в отношении к иностранцам, поэтому он ушел от нас удрученный и подавленный. И вот назавтра мы выходим от императора, одаренные серебряными медальонами с его гербом. Церемониймейстер сопровождает нас по длинному коридору к парадной двери. У стены стоит Теферра с таким видом, с каким обвиняемый принимает суровый приговор, на его осунувшейся физиономии пот. «Теферра! – восклицает развеселившийся Сварцини. – Мы тебя изо всех сил расхваливали. (Это правда.) Получишь повышение!» – хлопает его по вздрагивающим плечам.

Позже, пока Теферра был жив, всякий раз, приезжая в Аддис-Абебу, я навещал его. Уже после низложения импе-

ратора он какое-то время продолжал функционировать, так как (к счастью для Теферры) в последние месяцы господства Хайле Селассие его вышвырнули из дворца. Но он знал всех приближенных императора, а с некоторыми состоял в родстве. Как это принято у амхарцев, которые ценят благородство, он умел быть благодарным и всячески стремился отплатить за то, что я тогда спас ему голову. Вскоре после низложения императора я встретился с Теферрой в гостинице «Рас», у себя в номере. Город переживал эйфорию первых месяцев революции. По улицам тянулись шумные ряды демонстрантов, одни поддерживали военное правительство, другие домогались его отставки, третьи требовали сельскохозяйственных реформ, четвертые предлагали судить старых властителей, пятые призывали раздавать беднякам императорское имущество. С самого утра кварталы заполнялись возбужденными толпами, завязывались стычки, свары, летели камни. Тогда в номере гостиницы я сказал ему, что хотел бы разыскать людей императора. Теферра был удивлен, но согласился взять это на себя. Начались наши вызывающие подозрение поездки. Мы напоминали двух коллекционеров, жаждущих разыскать обреченные на гибель картины, чтобы устроить выставку старого искусства самовластья.

Примерно в ту же пору вспыхнуло безумство «фытэши», позже разросшееся до умопомрачительных размеров. Жертвами его сделались все мы – живые люди, независимо от цвета кожи, возраста, пола и положения. «Фытэша» – амхар-

ское слово, означающее обыск. Неожиданно все стали обыскивать друг друга. С рассвета до ночи и даже круглые сутки – всюду и без устали. Революция разделила людей на лагеря, и началась борьба. Не было ни баррикад, ни траншей, ни других четких, разграничивающих линий, и поэтому первый встречный мог оказаться врагом. Эту атмосферу всеобщей подозрительности еще усиливало болезненное недоверие, какое питает каждый амхарец по отношению к любому другому (равно и другому амхарцу) человеку, которому никогда не следует доверять, полагаться на слово, рассчитывать на него, ибо человеческие намерения пагубны и вероломны, все люди – заговорщики. Философия амхарцев пессимистическая, поэтому печальны их взгляды – настороженные и пронизательные при этом, а серьезные, напряженные лица редко освещаются улыбкой.

Все вооружены до зубов – все обожают оружие. У богатых в усадьбах имелись целые арсеналы и свои собственные, частные армии. В квартирах офицеров тоже можно увидеть настоящие склады: станковые пулеметы, коллекции пистолетов, ящики с гранатами. Еще несколько лет назад револьверы продавались в лавках, как всякий другой товар, никто ни о чем не спрашивал. Оружие простого люда – худшего качества и часто более старое, можно сказать музейное, – разного рода кремневые ружья, ружья, заряжающиеся с казенной части, охотничьи ружья. Большинство этого старья негодно к употреблению: боеприпасы к нему уже никто не производит.

Поэтому на черном рынке патрон подчас дороже винтовки: патроны самая ходовая валюта, более дефицитная, чем доллары. Ибо что такое доллар? Доллар – это бумажка, а патрон может спасти жизнь. Патроны придают нашему оружию какой-то смысл, и сами мы что-то значим.

Человеческая жизнь – чего она стоит? Если человек становится препятствием на нашем пути, он что-то значит. Жизнь сама по себе значит немного, но лучше лишиться жизни своего врага, чем он нанесет удар тебе. Каждую ночь стрельба (а также и днем), потом на улице валяются убитые. «Негус, – говорю я нашему водителю, – слишком много стрельбы. Это ужасно». Но он молчит, не знаю, что он думает. Здесь привыкли к тому, что из-за любого пустяка выхватывают пистолет и открывают стрельбу.

Убить!

А может, обошлось бы по-другому, без этого? Но они не способны мыслить подобными категориями, их мысль обращена не к жизни, а к смерти. Сперва они разговаривают мирно, потом вспыхивает спор, ссора и наконец гремят выстрелы. Откуда столько запальчивости, агрессивности, ненависти? И все это совершенно произвольно, ни минуты раздумья, ни сдерживающего начала, головой в бездну.

Итак, чтобы стать хозяевами положения и разоружить оппозицию, власти учредили повсеместную фытэшу. Нас постоянно и без устали обыскивают. На улице, в машине, воз-

ле дома (и в домах), у лавки, у почты, перед входом в контору, в редакцию, в храм, в кино, у банка, возле ресторана, на рынке и в парке. Каждый волен нас обыскать: мы не знаем, кому предоставлено это право, а кому нет, и лучше об этом не спрашивать, это только усложняет положение, лучше подчиниться. Нас постоянно кто-то обыскивает, какие-то подозрительные оборванцы с палками в руках, они ничего не говорят, только останавливают нас и разводят руки, давая понять, что и мы должны развести руки в стороны, то есть приготовиться к обыску, и тогда они начинают извлекать все из портфеля, из карманов, разглядывать, удивляться, морщить лоб, кивать головами, совещаться, потом ощупывать нам спину, живот, ноги, обувь, ну и что? – и ничего – можем следовать дальше, до нового разведения рук в стороны, до нового обыска. Только этот новый обыск может наступить через несколько шагов, и все начнется сначала, ибо разрозненные фытэши не суммируются в единое, генеральное, раз навсегда произведенное очищение, оправдание, отпущение грехов, нам предстоит лишь каждый раз, через каждые несколько метров, через несколько минут вновь и вновь очищаться, оправдываться, получать отпущение грехов. Наиболее утомительные фытэши на дорогах, во время езды автобусом. Десятки остановок, все выходят, весь багаж распакован, вскрыт, вывернут наизнанку, растерзан, развернут, разрыт. Мы сами обысканы, ощупаны, облапаны, обмяты. Потом в автобусе происходит укладка багажа, который разбух, слов-

но тесто в квашне, а при очередной фытэше происходит встряхивание, вышвыривание на дорогу одежды, корзин, помидоров, горшков (все это напоминает стихийный и хаотично раскинувшийся придорожный базар) и новые поиски, попираание и топтание ногами. Фытэши настолько отравляют поездку, что на полпути возникает желание вернуться, но как — остаться в чистом поле, высоко в горах, угодить в плен к разбойникам? Иногда фытэши охватывают целые кварталы, и тогда это дело серьезное. Такие фытэши проводят военные, разыскивая тайные склады оружия, подпольные типографии и анархистов. В ходе такой операции слышны выстрелы, а потом появляются убитые. Если какой-то рассеянный, хотя бы и совершенно невинный, попадет в подобный переплет, ему суждено пережить тяжкие минуты. В этом случае приходится идти медленно, с поднятыми над головой руками под наведенными на тебя дулами автоматов, ожидая приговора. Но чаще всего мы имеем дело с самостоятельными акциями, с которыми можно освоиться и свыкнуться. Многие по собственной инициативе устраивают другим фытэшу, то есть облапывание, ощупывание, это именно фытэшисты-одиночки, действующие вне общего плана организованной фытэши. Мы идем по улице, и вдруг нас останавливает прохожий и разводит руки. Ничего не попишешь: приходится тоже развести руки, то есть занять исходную позицию для обыска. Тогда он нас ощупает, обшарит, обожмет, а потом подаст знак головой: мы свободны. Видимо, минуту на-

зад ему подумалось, что перед ним враг, а теперь он избавился от своего подозрения и все в порядке. Можем продолжать путь, забыв об этом пустячном происшествии. В моей гостинице один из портье обожал меня обыскивать. Иногда в спешке я стремительно вбегал в вестибюль и неся на свой этаж в номер, тогда он припускал за мной и прежде, нежели я успевал повернуть ключ замке, протискивался вовнутрь и там устраивал мне фытэшу. Меня донимали фытэшевые сны. На меня напоззало множество темных, грязных, алчных, шевелящихся, пляшущих, обыскивающих рук, которые давили, обирали, щекотали меня, брали за глотку, так что я просыпался в холодном поту, не в силах заснуть до утра. Но, несмотря на эти превратности судьбы, я продолжал ходить по домам, которые распахиwал передо мной Тефerra, и слушал голоса, доносившиеся до меня уже как бы с того света.

А. М-М.:

Как привратник третьих дверей, я был главным среди лакеев, прикрепленных к Залу аудиенций. В этом зале имелись три двери, поэтому было три лакея-привратника, но я был заглавным – через мои двери проходил император. Когда достопочтенный господин покидал зал, я распахиwал двери. Мое искусство состояло в том, чтобы открыть дверь в нужный момент, подгадать точь-в-точь. Распахни я дверь преждевременно, это могло бы произвести неблагоприятное

впечатление, будто я выпроваживаю императора из зала. И опять же, если бы я распахнул ее слишком поздно, достопо-
чтенному господину пришлось бы замедлить шаг, а возможно, и остановиться, что уронило бы достоинство нашего вла-
дыки, ибо движение первой особы должно совершаться бес-
препятственно, не встречая никаких преград.

Г. С-Д.:

Время с девяти до десяти утра господин наш проводил в Зале аудиенций, занимаясь назначениями на должность, и пора эта называлась «часом назначений». Император входил в зал, где его уже ждала шеренга смиренно кланявшихся ему сановников, которым предстояло получить назначение на пост. Господин наш садился на трон, и я тут же подкладывал ему под ноги подушечку. Это требовалось проделать молниеносно, чтобы ноги достойного монарха не повисли в воздухе. Все мы знаем, что господин наш был невысок, вместе с тем его звание требовало, чтобы по отношению к подчиненным он и в чисто физическом смысле сохранял более высокое положение, а потому императорские троны имели длинные ножки и высоко подвешенные сиденья, особенно те троны, которые он унаследовал от императора Менелика, человека огромного роста. Словом, возникало противоречие между необходимой высотой трона и фигурой досто-
почтенного господина, противоречие особенно щекотливое

и затруднительное, именно когда дело касалось ног: нечего было и думать, что фигура способна сохранить необходимое достоинство, если ноги болтаются в воздухе! А подушка как раз и помогала решать эту деликатную, но такую важную проблему. На протяжении двадцати шести лет я был подушечным благородного господина. Сопровождал императора в его странствиях по свету, и, собственно говоря (могу с гордостью заявить об этом), господин наш никуда не мог без меня двинуться: его положение требовало, чтобы он постоянно восседал на троне, а восседать на нем император не мог без подушечки, я же являлся подушечным. У меня в этом смысле имелся четкий, особый протокол, и я даже располагал исключительно полезными знаниями о высоте каждого в отдельности трона, что позволяло мне быстро и точно подбирать соответствующую подушку, чтобы не допустить огорчительного несоответствия: между подушкой и обувью императора имеется зазор! В моем складе хранились пятьдесят две подушки разного формата, толщины, ткани и цвета. Я сам поддерживал необходимые условия их хранения: чтоб в них не завелись блохи – тяжкий бич нашей страны, так как подобная небрежность могла завершиться скандалом.

Т. Л.:

*My dear brother*³, время назначения на должность бросало в дрожь весь дворец! Для одних это был трепет радости, предвкушение торжества, для других, что ж, — дрожь ужаса и ощущение краха, ибо в этот час достопочтенный господин не только награждал, раздавал наделы и назначал на должность, но и выносил порицания, удалял и понижал в должности. Я дурно выражаюсь! На самом деле такого «деления на счастливых и напуганных не существовало: радостью и страхом попеременно полнилось сердце каждого из приглашенных в Зал аудиенций: никто не знал, что, собственно, его ждет. В этом и состояла глубочайшая мудрость господина нашего, что никто не знал своего дня, своей судьбы. Эта неуверенность и неясность намерений монарха приводили к тому, что дворец беспрерывно был занят пересудами, терялся в догадках. Дворец делился на фракции и группировки, которые беспощадно враждовали, взаимно себя ослабляя и изничтожая. И эту цель наш достойный господин и преследовал, стремясь создать равновесие, гарантирующее ему святое спокойствие. Если какая-то группировка одерживала верх, господин вскоре осыпал милостями противную партию и вновь восстанавливал равновесие, парализующее соперни-

³ Дорогой брат мой (англ.)

ков. Он нажимал на клавиш – то белый, то черный – и извлекал из рояля гармоничную и ласкающую его слух мелодию. И все подчинялись этому нажатию, ибо единственной основой их существования было императорское соизволение, и отмени его император, в тот же самый день их и след простыл бы. Да, сами по себе они ничего не значили. Они были на виду у всех лишь до той поры, пока их озарял блеск монаршей короны. Хайле Селассие был конституционным⁴ избранником Бога и в силу такого возвышения не мог объединяться ни с одной фракцией, хотя использовал в большей степени то одну, то другую, но если одна из поддерживаемых им группировок начинала слишком усердствовать, император тотчас одергивал ее, а мог и формально осудить. Во дворце имелось три главных фракции: аристократов, бюрократов и так называемых личных ставленников императора. Фракция аристократов, крайне консервативная (в нее входили владельцы

⁴ Первая конституция была принята в Эфиопии в 1931 году, вторая в 1955 году. В обеих утверждалась богоизбранность императора и преемственность императорской власти с древнейших времен. Так, в конституции 1931 года записано: «Закон устанавливает, что императорский титул навечно закрепляется за родом Его величества Хайле Селассие I, потомка царя Сахле Селассие, генеалогическая линия которого прямо идет от династии Менелика I, сына царя Соломона из Иерусалима и царицы Савской из Эфиопии». В конституции 1955 года декларируется: «Благородство происхождения императора и помазание на трон, им принятое, делают личность монарха священной...» Традиция богоизбранности императора в Эфиопии имеет давние корни. Впервые она получила письменное закрепление в трактате «Слава Царей», написанном в XIV веке. В этом трактате в благоприятном для правящей династии свете излагается библейская легенда о посещении в Иерусалиме царя Соломона царицей Савской из Эфиопии.

крупных земельных угодий), группировалась в основном в Совете короны, ее лидером был расстрелянный позже рас⁵ Каса. Фракция бюрократов, наиболее податливая к переменам и наиболее просвещенная, ибо часть ее представителей была с высшим образованием, заполняла министерства и имперские ведомства. Наконец, фракция личных ставленников императора являлась особенностью нашей власти, созданной самим монархом. Достойному господину, стороннику сильного государства и централизованной власти, приходилось ловко и искусно бороться с аристократической группировкой, которая жаждала управлять провинциями, имея слабого, послушного императора. Но он не мог бороться с аристократией ее собственными руками и поэтому призывал в свое окружение в качестве своих личных выдвиженцев и избранников людей из народа, молодых и смелых, но из самых низов, кого-то из обыкновенного плебса, часто наугад выхваченного из толпы, собиравшейся, когда господин наш общался с народом. Эти личные ставленники императора, перенесенные из самых недр нашей убогой и нищей провинции в салоны высочайшего двора, где они сталкивались с естественной ненавистью и враждебностью укоренившихся там аристократов, быстро вкусив прелести дворцового великолепия и откровенной притягательности власти, прямо-таки с неописуемым рвением и страстью служили императору.

⁵ Рас (букв. «голова») – княжеский титул в феодальной Эфиопии. После революции 1974 года все титулы отменены.

ру, зная, что пребывают здесь и нередко занимают высочайшие должности в стране исключительно по воле достойного господина. Именно их и назначал император на посты, требовавшие высочайшего доверия. Министерство пера, императорская политическая полиция, канцелярия дворца были заполнены этими людьми. Они разоблачали все заговоры и козни, истребляли самонадеянную и злобную оппозицию. Пойми, господин журналист, что император не только сам решал вопрос о всех назначениях, но в прежние времена сам и осуществлял это. Он, и только он! Он заполнял всю верхушку иерархической лестницы и ее средние и нижние ступени, назначал начальников почт, директоров школ, постовых полицейских, всех мелких служащих, управляющих, директоров пивоваренных заводов, больниц, гостиниц, я еще раз повторю – всех он один, лично. Их приглашали в Зал аудиенций на час назначения на должности, и здесь, построенные в нескончаемую шеренгу (ибо это была уйма, целая уйма народу!), они ожидали прибытия императора. Потом каждый по очереди приближался к трону, взволнованный, выслушивал, изогнувшись в поклоне, на какую должность назначает его император, целовал благодетелю руку и, пятясь и откланиваясь, удалялся. Даже самое мелкое назначение скреплялось императорским утверждением, потому что источником всякой власти являлось не государство, не любой другой институт, а лично достойный господин. Какое же это удивительно высокое право! Ибо с момента общения с им-

ператором, когда тот назначал на должность и благословлял, между ними возникала особого рода связь, правда, подчиненная правилам иерархии, но все-таки связь, а из этого следовал один принцип, каким руководствовался наш господин, повышая или снимая людей, – принцип преданности. Мой друг, можно было бы составить целую библиотеку из тех доносов, какие поступали к императору на самого близкого ему человека – министра пера Уольдэ Гийоргиса. Это был самый коварный, отталкивающий и растленный субъект, когда-либо появлявшийся на паркетe нашего дворца. Сам донос на этого человека грозил крайне неприятными последствиями. Как же плохи были дела, если, несмотря на все это, доносили! Но монаршье ухо оставалось глухим. Уольдэ Гийоргис мог творить что хотел, а его разнузданность не знала границ. Но, утратив способность рассуждать здраво, он в своей спеси, пользуясь полной безнаказанностью, побывал на собрании фракции заговорщиков, о чем дворцовая разведка уведомила достопочтенного господина. Господин ждал, чтобы Уольдэ Гийоргис сам сообщил ему об этом, но тот и словом не обмолвился, то есть иначе говоря, нарушил принцип преданности. И на следующий день император час назначений начал со своего министра пера, человека, который почти что разделял власть с достойным господином: с вершин второй персоны в государстве Уольдэ Гийоргис съехал на должность мелкого служащего в захудалой южной провинции. Узнав о назначении (представим только себе, какую растерянность и

страх подавлял он в себе в этот момент), тот, согласно ритуалу, облобызал благодетелю руку и, пнясь, с поклонами раз и навсегда покинул дворец. А возьмем такую фигуру, как рас Имру. Это, возможно, была самая яркая индивидуальность среди властвующей элиты, человек, достойный самых высоких отличий и должностей. Что из того, когда (как я уже упоминал) милостивый господин никогда не руководствовался принципом способностей, но всегда исключительно только принципом преданности. Так вот, неизвестно как и почему раса Имру неожиданно охватила жажда реформ, и он, не испросив императорского согласия, раздал крестьянам часть своей земли. А следовательно (скрыв нечто от императора и действуя по собственной инициативе), дерзко и прямо-таки вызывающим образом нарушил принцип преданности. Итак, милостивому господину, который собирался доверить расу крайне важное учреждение, пришлось удалить его за пределы страны и держать на чужбине на протяжении двадцати лет. Я хочу подчеркнуть здесь, что господин наш не был противником реформ, наоборот – он всегда симпатизировал прогрессу и улучшениям, но не мог допустить, чтобы кто-то сам принялся проводить реформы: во-первых, потому, что это создавало опасность произвола и анархии, а во-вторых, могло создать впечатление, будто в империи существуют какие-то благодетели кроме достойного господина. Поэтому-то, если ловкий и разумный министр хотел в своей епархии провести, возможно, самую незначительную ре-

форму, ему приходилось так направлять дело и так представлять его императору, так освещать и формулировать, чтобы наиболее неопровержимым, признанным и очевидным образом явствовало, что благосклонный и заботливый инициатор, творец и сторонник реформы — лично его императорское величество, пусть даже на самом-то деле благодетель наш плохо понимал, о чем здесь идет речь. Но ведь не все министры наделены умом! Случались молодые люди, не привыкшие к традициям дворца, и те, руководствуясь собственным тщеславием и стремясь завоевать признание народа (словно бы признание самого императора не стоило этих усилий!), самочинно пытались реформировать тот или иной пустяк. Как бы не ведая, что тем самым они нарушают принцип преданности, хороня не только себя, но и саму реформу, которая, не получив одобрения императора, не имела никаких шансов на реализацию. Скажу откровенно: милостивый господин предпочитал плохих министров. Предпочитал потому, что любил выгодно контрастировать с ними. А как он мог контрастировать, окружай его дельные министры? Народ перестал бы ориентироваться, у кого искать помощи, на чью доброту и мудрость уповать? Все сделались бы добрыми и мудрыми. Какая неразбериха воцарилась бы тогда в империи! Вместо одного солнца сияло бы пятьдесят, и каждый воздавал бы почести самолично избранному светилу. О, нет, дорогой друг, нельзя народ обрекать на такой пагубный произвол! Солнце должно быть одно, таков закон природы, а все

другие теории – лишь безответственная и противная Богу ересь. Но можешь быть уверен: господин наш контрастировал (со всей импозантностью и великолепием), и потому народ точно знал, где солнце и где тень.

3. Т.:

В момент назначения на должность господин наш видел перед собой склоненную голову того, кого избирал на высокий пост. Но даже проницательный взгляд distinguished господина не мог увидеть, что далее происходит с этой головой. Тем временем голова, выполнявшая в Зале аудиенций нисходяще-восходящие движения, миновав двери, быстро изменяла позицию, задиралась вверх, застывала и приобретала мощные и решительные очертания. Да, мой господин, поразительна была сила императорского назначения! Ведь вот самая заурядная голова, до той поры так естественно и свободно поворачивавшаяся, такая подвижная и нестесненная, так привыкшая вертеться, склоняться книзу, отвешивать поклоны и покачиваться, теперь, обретя помазание назначением на должность, претерпевала удивительные ограничения, двигаясь с той поры только в двух направлениях – по вертикали вниз, в каком двигалась в присутствии distinguished господина, и по вертикали вверх в присутствии всех остальных. Установленная на этой единой нисходяще-восходящей линии, голова уже не могла свободно вра-

щаться, и если бы мы, обойдя ее сзади, неожиданно воскликнули: «Эй, господин!» – тот не смог бы повернуть к нам голову – ему, не теряя достоинства, пришлось бы остановиться и уже потом вместе со всем корпусом обратить голову на звук нашего голоса. Вообще, будучи служащим протокола в Зале аудиенций, я заметил, что назначения на должность чисто физически и притом кардинально меняют человека, и меня это так заинтересовало, что я стал внимательно следить за происходящим. Прежде всего меняется сама человеческая фигура. Ранее щуплая и хилая, она приобретает теперь очертания квадрата. Этот корпулентный, массивный квадрат – символ ответственности и бремени власти. Уже по внешнему виду нам ясно, что это не кто-нибудь, а само воплощение благородства. Такому изменению фигуры сопутствует медлительность движений. Человек, отмеченный достойным господином, уже не станет скакать, бегать, подпрыгивать, своевольничать. Нет, походка солидная, ноги уверенно передвигаются по земле, тело слегка наклонено вперед, что означает готовность противостоять превратностям судьбы, движения рук размеренны, без нервной и беспорядочной жестикуляции. Равно и черты лица обретают важность и как бы застывают, физиономия становится озабоченной и замкнутой, сохраняя, однако, способность периодически переключаться на одобрение и оптимизм, но в итоге она как-то так организована и повернута, что не создает возможности психологического контакта, при ней нельзя

расслабиться, спокойно вздохнуть. Меняется также и взгляд. Иным становится его протяженность и угол падения. Взгляд этот теперь простирается до какой-то точки, для нас абсолютно недоступной, и поэтому, разговаривая с назначенным на должность, мы, в силу общеизвестных законов перспективы, не будем замечены им, так как его взгляд сфокусирован где-то позади нас. Даже будучи ниже ростом, он все равно поверх нашей головы вглядывается в даль, поглощенный какой-то нездешней мыслью. Во всяком случае, мы ощущаем, что если думы его не так уж и глубоки, они наверняка важнее и ответственнее, и осознаем, что в подобной ситуации попытка поделиться с ним собственными соображениями глупа и ничтожна. И потому замолкаем. Но и императорский фаворит не жаждет поболтать, ибо один из симптомов по назначении на должность — иная манера разговора: вместо обстоятельных, четких фраз теперь следуют разного рода односложные слова, хмыканья, покашливания, недомолвки, многозначительные паузы, невразумительные формулировки и такая реакция на все, словно бы об этом ему давно и хорошо все известно. Словом, мы чувствуем себя лишними и удаляемся, а его голова выполняет вертикально-восходящее прощальное движение. Случалось, однако, что милостивый господин не только назначал на должность, но, удостоверившись в нелояльности, увы, также и отстранял людей или (прости мне, дружище, грубое выражение) с треском выкидывал на улицу. И можно было убедиться, что подоб-

ное падение сопровождалось одной примечательной особенностью — симптомы, вызванные назначением на должность, пропадали, перемены физического характера сглаживались, потерпевший крах обретал нормальный вид и проявлял нервное и несколько преувеличенное стремление брататься, словно бы он жаждал затушевать все случившееся, словно хотел махнуть рукой и сказать: эх, давай забудем об этом, будто речь шла о пустяковом недомогании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.